

ПАМЯТЬ

Большое сердце

Месяц назад не стало Гурия Ивановича Марчука. Сегодня редакция «НВС» решила вновь напомнить об этом человеке, но теперь уже через призму восприятия одного из самых близких людей ему людей, старшего сына Гурия Ивановича Александра Гурьевича Марчука, доктора физико-математических наук, директора Института систем информатики им. А.П. Ершова СО РАН.

— Александр Гурьевич, я понимаю, что прошло ещё очень мало времени, чтобы об этом говорить спокойно, но всё-таки со своих позиций, какие качества Гурия Ивановича вы могли бы выделить особо?

— Много сказано уже о его выдающихся деловых качествах, а я бы хотел и сказал об этом на гражданской панихиде, что отец был по-своему выдающимся семьянином. У него было воистину большое сердце: его хватало и на работу, и на друзей, и на близких и даже не очень близких родственников. Так, он поощрял исследования мамы, Ольги Николаевны, по составлению генеалогического дерева Марчуков и её ветви Беляевых. При всей своей занятости находил время вникать во все наши дела и проблемы — а у него росло трое сыновей, но, нужно отдать должное, я не помню ни одного факта мелочной опеки с его стороны: он был строг, справедлив и полнокровен, как мне кажется, доверял маме и нам.

— Припомните, пожалуйста, ваши самые первые впечатления об отце?

— Это непросто, но одно из самых первых детских воспоминаний — как папа рассказывал нам на ночь придуманную им самим сказку. Почему-то до сих пор даже помню её персонажей — Биг и Блюмина, — мальчик и девочка по множеству сюжетных линий, которых сейчас уже не помню, но было настолько увлекательно, что ему не нужно было придумывать других наказаний для нас, если мы в чём-то провинились, кроме как сказать: «Ну, теперь вечером ты не будешь слушать сказку!»

— То есть это был своеобразный сказочный сериал?

— Да-да! Это ещё до школы!

— А как вы учились с братьями?

— Про братьев не скажу, но в начале я учился довольно трудно. По-видимому, сказался факт, что меня на полгода раньше семилетнего возраста отдали в школу, и она мне, что называется, на первых порах «не пошла». Первоначально у меня было довольно стойкое негативное отношение к занятиям, и маме приходилось со мной довольно много заниматься. Это продолжалось и в средних классах, мне трудно давались гуманитарные предметы, пока уже я не поступил в физматшколу, — там парадигма образования несколько изменилась, и я уже сознательно учился довольно хорошо.

— Когда из Обнинска вы переехали в Академгородок, вам было сколько лет?

— Около десяти. Мы поселились вначале в трёхкомнатной квартире, пока коттедж достраивался, потом, где-то через полгода, переехали. Жили в самом низу Золотовалинской, неподалёку от дома Лаврентьева.

— В то время ещё не было такого понятия, как элита, «золотая молодёжь» и т.п. Дети академиков между собой общались?

— Да, здесь ещё и сбавлялся элемент совместного расселения: дети учёных, а там были не только академики, много времени проводили вместе, на улице. Какой-то элитности, «золотистости» особой не было —

нормальные ребята, в меру шаловливые, но очень подвижные, изобретательные. Условия позволяли, и, можно сказать, мы жили на улице даже зимой. В овраге неподалёку Войцеховский построил какую-то установку для гидродинамических опытов, мы нашли туда путь для некоторых специальных развлечений, но, кажется, ничего там ни разу не сломали.

— А не припомните прогулки с отцом?

— Да, разумеется, это было в системе: два-три раза за зиму довольно большие и продолжительные походы на лыжах по несколько десятков километров. Брали с собой запас еды и уходили на целый день куда-нибудь в долину реки Коён.

Насколько я сейчас понимаю, Гурию Ивановичу важно было найти свою форму отдыха, ведь он очень много работал, и его ближайшими друзьями, коллеги-математики Павел Петрович Белинский и Юрий Александрович Воронин способствовали этому. Но во время прогулок они почти никогда не говорили о работе, — видимо, по молчаливому согласию, хотелось отвлечься и отдохнуть.

— В одном из интервью с Гурием Ивановичем я прочёл, что он уже в преклонном возрасте любил ходить пешком, притом на весьма значительные расстояния. Как долго это продолжалось?

— Это было всю его жизнь. Он любил двигаться и ходить пешком и в Академгородке, и позже, когда переехал в Москву. Там компанию ему составил бывший новосибирец Рудольф Григорьевич Яновский.

Папа, хотя и жил на ул. Косыгина, очень любил поездки на дачу: сначала это была дача Совмина, позже — академическая, общение с природой сопровождало его всю жизнь.

— Он очень внимательно относился к вашей учёбе, сначала в школе, потом в институте?

— Я бы сказал, что скорее нет, чем да. Но дело вот в чём: для него важно было, чтобы у нас была выработана ответственность за свои действия перед самими собой. Детального и систематического контроля с его стороны не было. Он понимал, что мы на правильном пути и не опекал по мелочам.

— И каким же образом он способствовал выработке чувства ответственности перед самим собой?

— В первую очередь, личным примером, — мы видели, как он относится к работе, к людям, окружавшим его.

— В семье вы его запомнили как сдержанного человека (как о нём преимущественно говорят коллеги), или душевного, открытого?

— И то, и другое. Понятно, что с близкими он был открыт и душевен, но понятно также и то, что в нём постоянно жила забота о деле, которым он всецело был занят. Но он никогда не позволял себе собственную озлобленность переносить на нас, как это нередко бывает. Поэтому я могу сказать, что он был и сдержан.

— Работой он дома занимался? У него был свой кабинет?

— Да. Он рано стал большим руководителем, и чем дальше, тем времени на собственные занятия наукой и творчеством в служебное время у него оставалось всё меньше. Поэтому по утрам он рано садился за письменный стол и ещё до работы писал определённое количество страниц, причем почти что набело. Много делал выписок, а для серьёзных научных обобщений использовал отпуск. То есть это не миф, он реально умел отдыхать и одновременно писать очередную книгу. За отпуск он, как правило, писал одну книгу. У него опубликовано около тридцати книг, вот и посчитайте, сколько отпусков на них затрачено.

— А как отмечались семейные праздники?

— Каких-то особых ритуалов не было. Понимаете, какая штука: когда люди счастливы, то для них имитировать счастье нет необходимости. Мы просто были в нашей жизни счастливы, за что я очень благодарен и отцу, и маме. Что касается его дней рождения, то со временем гостей становилось всё больше и больше, и в какой-то момент он перешёл на пикники: 8 июня — удачное для этих целей время. Делались заготовки продуктов, и компания вывозилась куда-нибудь на Обское море. Но, опять же, у меня всегда было ощущение, что это ему надо было делать, потому что общество ждёт, а не то чтобы он сам жаждал тостов и поздравлений.

— Вы говорите, что вашей учёбой он специально не занимался, но вот три брата стали докторами физико-математических наук. Ведь это не случайно?

— Можно опекал и критиковать по мелочам, но у него была другая методика: вовремя подсказать, похвалить, поддержать, направить. Это он делал очень умело и вдумчиво. Он понимал, как должен развиваться творческий человек, что у него должны быть какие-то устремления, которые и должны вести его по жизни. Важно было выработать эти устремления, и это делалось исподволь, не нотациями и начётничеством. Он это умел.

Я лично как математике пришёл не сразу, увлекался физикой, поступил в Московский физтех, и уже позже, когда там был образован математический факультет, перевёлся и углубился в математику. А братья закончили НГУ. И потом, когда я уже работал над кандидатской диссертацией, то в вы-

работке моих научных тем и интересов мои научные руководители не принимали участия, — видимо, воспитание приучило меня к самостоятельности. Помню, Михаил Михайлович Лаврентьев даже удивился, когда узнал, что я уже написал кандидатскую диссертацию — я никогда не досаждал ему излишними вопросами.

— Судьба и устремления вывели вас на вычислительную математику и компьютерную технику. Был ли период в нашей истории, когда у нас был шанс не отстать от Запада в этих технологиях?

— Да, это были 60-е годы: БЭСМ-6 была последняя паритетная машина. Моё мнение на этот счёт: Советский Союз мог ещё держать конкуренцию с США, но он не смог это сделать, когда нужно было конкурировать со всем развивающимся миром, силы были слишком неравными. Когда США и весь мир научились интегрироваться, у одних одно, у других другое, а всё вместе ещё лучше, то мы со своей вынужденной изоляцией стали стремительно отставать. Возможно, кто-то считает, что мы проиграли идеологически, но наш проигрыш был обусловлен экономически. Сегодня наука и техника не могут развиваться изолированно, нужно использовать достижения всего мира.

— А как Гурий Иванович относился к наметившемуся разрыву, очень переживал?

— Он делал, что мог и что можно было. А это очень много, на своих высоких должностях он заложил многие процессы развития, например, робототехнику в нашей стране. Но что он думал о «кремлёвских старцах», он так при себе и оставил. Он был очень сдержанный человек.

— И последний вопрос: Гурий Иванович баловал своих сыновей какими-то особыми дорогими техническими покупками, чего не было и не могло быть у других детей: автомобилями, электронной техникой?

— Не помню ничего подобного. У нас были велосипеды, из Обнинска он привёз велосипед с подвесным бензиновым моторчиком, которым сам не пользовался, но его быстро освоили мы. А так всё как обычно, как в любой семье. Мы никогда не ощущали себя избранными судьбы, но могу твёрдо сказать, что мы таковыми были, и были счастливы.

Подготовил А. Надточий, «НВС»
На снимке Р. Ахмерова: Г.И. Марчук с сыновьями, 1960-е годы.

... Ушел из жизни великий учёный, организатор науки и гражданин Гурий Иванович Марчук. А ещё он мой отец, и как сын я сохранил особый образ отца. С ним я был близок не только в семье, но и на большом пройденном пути научной жизни, и как подчинённый, и как коллега, и, надеюсь, как друг. Светлой памяти отца посвящаю...

Во взрослую жизнь Гурий Иванович вошёл через войну. И, видимо, это оказало существенное влияние на становление его личности. Он всю жизнь оставался в чём-то солдатом — для него не существовало слов «не хочу», для него существовало слово «надо». Только приказы теперь он отдавал сам себе. Надо выступить за сборную матмеха — и он бежал. И бежал так, что зафиксированное время долго оставалось рекордом ЛГУ. Надо оказать помощь младшим студентам, он их внимательно курировал — и трое из той группы впоследствии стали академиками. В дальнейшем он научился вовлекать в целеустремлённую активность и других. Причём главными его педагогическими приёмами были «делай, как я» и бескорыстная помощь в решении поставленных задач.

Среди множества научных и научно-организационных способностей Гурия Ивановича я бы выделил умение проводить научные

семинары. Считаю семинары основой деятельности научной школы, научной организации, он вёл их так, что это не только надолго оставалось в памяти и превращалось в фольклор, но и было образцом коллективного научного творчества. Работал не только докладчик, но и вся аудитория. Ни на секунду не расслабляясь, работал и руководитель семинара. В чём суть проблемы, в чём предложение, какие сильные и слабые стороны предложенного подхода, как его можно обобщить или видоизменить? Гурий Иванович смотрел на чужую работу, как на свою, и щедро делился идеями. При этом никогда не претендуя на неоправданное соавторство.

Для многих докладчиков такой семинар становился поворотным пунктом в исследовании и даже научной судьбе. Гурий Иванович проводил семинары даже в годы государственной службы на высоком посту. Наукой он занимался всегда, даже когда не хватало времени — по утрам, субботам, воскресеньям и праздникам. А книги пи-

сал в отпусках, один отпуск — одна книга. И это не преувеличение.

Пожалуй, самым трудным в жизни Гурия Ивановича был период 90-х годов. Рушилось многое из того, что являлось плодом усилий поколений людей-созидателей, в том числе и его личных усилий, многое из того, за что он воевал. Причем рушилось не само, а разрушалось целенаправленно. И разрушалось не из-за наличия продуманной концепции построения нового, а конъюнктурно или корыстно. На мой взгляд, это оказало плохое влияние на здоровье Гурия Ивановича, хотя проявилось это влияние несколько позднее.

Отец был очень семейный человек. И для него не стояло вопроса «Что важнее: работа или семья?» — и то, и другое были одинаково значимы. А недостаток времени для семьи он восполнял любовью и глубиной отношений. Кроме его «личной» семьи, а ныне это трое сыновей, шестеро внуков и шестеро правнуков, Гурий Иванович был щедр на отношения ко всем родственникам — сестре, двоюрод-

ным братьям, их семьям, родственникам жены. Для него важным было и то, что он продолжатель дел и чести своего прадеда Саввы Ивановича, деда Петра Саввовича, отца Ивана Петровича. В общем, Гурий Иванович был и остаётся «и с родом, и с племенем».

Гурий Иванович был человеком высокой культуры и нравственности. Причём культуры в первую очередь общения. Он умел убеждать, умел слушать, умел понимать позицию собеседника, был предупредительным и предусмотрительным, умел дружить, поражал окружающих тем, что помнил всех в институте поимённо, даже технических персоналий, обращался ко всем по имени и отчеству, помнил имена жён и супругов, дни рождения и много других мелочей. Он был невероятно вежлив, о его вежливости ходили легенды. А нравственность, как и гражданская позиция, для Гурия Ивановича были не набором правил, а сутью его натуры. Что хорошо, а что плохо, что главное, а что второстепенное, в чём предназначение человека, что он должен делать. Он, как сам иногда о себе говорил, крестьянский парень, своей жизнью утвердил истинный образец служения делу, своему призванию, служения благу своего народа. Ты сделал всё что мог, младший сержант Марчук Гурий Иванович!

Благодарный сын Александр Марчук

Солдат науки

(Из личных записей А.Г. Марчука)